

КАЛЕНДАРЬ В ОБРЯДОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 394.21
ББК 63.59

ПРАЗДНОВАНИЕ САГААЛГАНА У БУРЯТ РОССИИ И КИТАЯ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАРОДНОГО ПРАЗДНИКА

МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ МИХАЛЕВ

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН:
Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

***Аннотация.** В начале 90-х гг. XX в. традиционный бурятский праздник встречи Нового года по лунному календарю Сагаалган был признан государственным в Республике Бурятия, после чего начался новый период его развития. В результате изначально семейный фестиваль с ярко выраженной религиозной составляющей превратился в важное общественно-политическое мероприятие, влияние которого простирается далеко за рамки национальной культуры или религии. В то же самое время у шэнэхэнских бурят, проживающих в автономном округе Внутренняя Монголия в КНР и в целом хорошо сохранивших свою традиционную культуру, празднование Сагаалгана постепенно подменяется безликими обрядами городской культуры. Одной из причин такого развития событий является разночтение в датах встречи бурятского Нового года, которые в Китае отличаются от тех, что используются в Монголии и в России, но при этом совпадают с датами проведения официального фестиваля весны. В данной статье анализируется воздействие государственной политики в области культуры в России и в Китае на характер празднования традиционных праздников малых народов и те результаты, которые достигаются властями в случае интеграции или игнорирования этого важного аспекта их культуры.*

***Ключевые слова:** Сагаалган, буряты, Шэнэхэн, государственная политика, народный праздник.*

САГААЛГАН И ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Народные праздники и государственная политика всегда тесно связаны между собой. Несмотря на то что к факторам, определяющим развитие народной праздничной культуры, можно отнести и социокультурную динамику, и уровень экономического и технологического развития того или иного общества, и общий идеологический климат эпохи вкуче с преобладающей в тот или иной период системой ценностей, и даже состояние окружающей среды, именно соседство праздника с властью, которую он

одновременно и отрицает, и легитимизирует, зачастую оказывается решающим в его судьбе. С одной стороны, любое государство в своем стремлении управлять стандартами социального поведения и выступать законодателем общих ценностей на своей территории прямо и непосредственно конструирует официальный календарь, запрещая или, наоборот, стимулируя празднование тех или иных дат, а также акцентируя или игнорируя одни или другие аспекты народной культуры. «Осознание того, что праздник может использоваться как механизм воздействия на массы, может решить многие задачи,

направленные на решение интересов государства» [Аниконова 2015, 21]. Подобная нормообразующая деятельность со стороны властей, как правило, приводит к постепенному угасанию или сильной трансформации одних традиций либо, наоборот, к возникновению или ревитализации других. Без соответствующей санкции государства, а тем более в случае открытого противодействия с его стороны самим праздникам бывает намного сложнее развиваться, если только они по своей природе не являются антисистемными или не выступают явными или скрытыми символами сопротивления непопулярным ценностям или трактовкам истории, насаждаемым сверху. С другой стороны, любая попытка государства навязать какой-либо праздник без учета культурных и социальных особенностей того или иного общества или открытое противодействие важным для его граждан традициям во многих случаях оказывается обреченной на провал¹. Только тогда, когда властям удастся уловить существующие в обществе запросы и настроения, в том числе и на изменения, а затем направить их в желательном для себя направлении, государству удастся сформировать действительно жизнеспособный праздничный календарь, принимаемый и разделяемый большинством граждан страны. В том же случае, если тот или иной праздник не находит должной опоры в народной традиции или, наоборот, вынужден противостоять целенаправленным усилиям государства, он редко становится истинно всенародным и рано или поздно утрачивает свою притягательную силу.

Встреча Нового года по лунно-солнечному календарю, или, как этот праздник называют в Бурятии, *Сагаалгана*, в этом смысле не является исключением. С одной стороны, поиски истоков этого ежегодного праздника обновления, в конце концов, приведут нас к легендарным временам зарождения кочевой культуры центральноазиатских степей, и потому Сагаалган, безусловно, следует признать

воистину народным и по-настоящему традиционным праздником. С другой стороны, его временами непростые отношения с государством также хорошо известны. К примеру, в 1267 г., во времена правления внука Чингисхана Хубилая, празднование Нового года у монголов было перенесено на весну². До этого кочевники отмечали наступление нового года в день осеннего равноденствия, соединяя его с шаманистскими обрядами, которые «были приурочены к сезону изобилия запасов продовольствия, наступавшему после окончания заготовки на зиму молочных и других продуктов» [Батомункина 2009, 255]. Сам факт прямого вмешательства государства в празднование древнего народного праздника является в этом случае бесспорным, однако не менее значимым в этой связи является и то, что, по всей видимости, решение это диктовалось политической целесообразностью. Можно предположить, что в связи с тем, что в те времена подданными монгольских владык в большинстве своем являлись китайцы, то в целях повышения эффективности государственного управления и культурной унификации державы именно представления большинства о начале и конце времен было решено поддержать на самом высоком государственном уровне. Немаловажную роль при этом сыграл буддизм, чьи тесные связи с государством и чье огромное влияние на государственные дела нет необходимости описывать здесь излишне подробно.

В течение еще нескольких столетий после этих событий Сагаалган подвергался сильному идеологическому влиянию со стороны буддийского духовенства и в конце концов был им частично экспроприрован. Придание народному празднику ярко выраженной религиозной окраски у бурят было вызвано в том числе и тем, что в XVII в. волею исторических судеб они оказались подданными Российской империи, государственной идеологией которой являлось православие. В этих условиях буддизм для бурят оказался, с одной стороны, сильным

¹ В этой связи можно вспомнить череду новых праздников, появившихся в России после развала СССР, которые так и не стали общенародными [Шаповалов 2013].

² Об этом решении Хубилая размышляет в своей статье Доржи Банзаров: «...перенимал все китайские обычаи и учреждения; а в Китае с древнейших времен год начинали в конце зимы», см.: [Банзаров 1955, 44].

этнодифференцирующим фактором, позволявшим сохранять свою этническую самобытность в инокультурном окружении, с другой — именно с его помощью им удается поддерживать тесную духовную связь с остальным монгольским миром. В ситуации, когда в итоге буддизм превратился в основу национальной идентичности бурят, не вызывает удивления и тот факт, что основной праздник их годового цикла также приобрел подчеркнuto религиозный смысл.

Именно это, впрочем, сыграло с Сагаалганом злую шутку, когда после Октябрьской революции 1917 г. в России молодое Советское государство принялось старательно «зачищать» культурное поле от любого религиозного подтекста, в том числе и в сфере праздничного календаря. В этих условиях стойко ассоциировавшийся к тому времени с религией бурятский Новый год был ожидаемо подвергнут обструкции. «В 1920–1930-х гг. XX в. “сагаалган” был запрещен, а те, кто его праздновал, преследовались» [Ренчинова, Балханов 2007, 69]. В результате, праздник, который, несмотря ни на что, продолжал и после этого отмечаться на

неофициальной основе в семьях, в какой-то степени вернулся к своей исторической функции укрепления родовых уз. Лишь «в послевоенные годы традиции сагаалганского празднования вновь ожили и постепенно восстановились в своих правах, приобретая новое содержание и формы» [Ренчинова, Балханов 2007, 69]. Стоит отметить, что эти самые «новые» формы встречи Нового года были вызваны тем, что государство предпринимало робкие попытки использовать возрождающуюся народную традицию в своих интересах, продвигая с ее помощью собственные идеологические догматы.

В дальнейшем, когда эти догматы окончательно себя дискредитировали, а само государство оказалось на грани исчезновения, была предпринята радикальная попытка использовать народную традицию в интересах сплочения общества. Указом Президиума Верховного Совета Бурятии от 24 января 1990 г. национальному празднику Сагаалган был предан статус народного, а уже в январе следующего за ним, 1991 г. он был и вовсе объявлен государственным праздником. Само государство это, как известно, не спасло, зато народный

Торжественный марш представителей восьми родов агинских бурят в поселке Агинское (Агинский Бурятский округ Забайкальского края). Фото М. С. Михалева, февраль 2017 г.

The parade of the representatives of the eight clans of Agin Buryats in Aginskoye, Agin-Buryat Okrug. Photo by Maxim S. Mikhalev, February 2017

праздник окончательно возвратился из почти векового забвения, при этом сразу же превратившись в важный фактор политической повестки дня. Спустя два с лишним десятилетия после принятия этого судьбоносного решения можно смело утверждать, что Сагаалган в наши дни является одной из основных праздничных дат в календаре Республики Бурятия, Забайкальского края и Усть-Ордынского Бурятского округа. При этом, что характерно, празднование бурятского Нового года стало в наши дни по-настоящему всенародным, ведь в мероприятиях, приуроченных к Сагаалгану, принимает участие все население вышеуказанных регионов, включая и проживающих на их территории этнических русских³.

В то же время нужно упомянуть и о том, что в первой половине XX в. небольшая группа агинских бурят, представлявших собой самые обеспеченные слои общества, включая в том числе и буддийское духовенство, не приняли советскую власть и решили откочевать в степи соседнего Китая. Правительство этой страны выделило им пустовавшие после эпидемии чумы свободные земли в местности Шэнэхэн недалеко от границы с Россией, и уже к 1931 г. количество бурят, обретших в Китае свой второй дом, достигло 3000 человек⁴. Так образовалась отдельная этнокультурная группа шэнэхэнских бурят, которая впоследствии пережила японскую оккупацию, репрессии и депортации, а также культурную революцию, но при этом сохранила свою самобытную культуру и этническое самосознание, не растворившись в огромной стране. Интересно, что находящимся в культурной изоляции жителям Шэнэхэна удалось хорошо сохранить многие элементы своей традиционной культуры, и в дальнейшем это обеспечило им славу хранителей бурятской аутентичности на исторической родине [Балданов 2015].

Однако, несмотря на то что многие элементы народной культуры действительно лучше сохранились в среде шэнэхэнских бурят, чем у бурят, оставшихся в Советском Союзе, празднование Сагаалгана здесь проходит на удивление скромно.

Новый год в Шэнэхэне встречают, как правило, в узком семейном кругу, при этом по форме и по содержанию происходящее больше напоминает празднование китайского фестиваля весны, чем аналогичные мероприятия у бурят России [ПМА]. В чем же причина того, что существует столь заметное различие в отношении к празднованию Сагаалгана в постсоветской России, где этот праздник становится воистину национальным, и в Китае, где сфера его применения строго ограничена рамками семьи, и какова в этом может быть роль государства?

САГААЛГАН И ГОСУДАРСТВО: СТРОИТЕЛЬСТВО ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

Несмотря на то что Сагаалган с давних пор являлся официальным праздником и у бурят, и у монголов и, таким образом, он в той или иной степени всегда санкционировался государством, его приватный, семейно-родовой характер всегда оставался неизменным. Безотносительно того, какова в тот или иной исторический период была позиция властей, центр праздника был локализован в семье, а важнейшей его функцией было ежегодное подтверждение единства рода и демонстрация незыблемости семейных уз.

Современная практика встречи Нового года по лунному календарю в России в этом смысле мало чем отличается от той, что была принята у бурят столетия назад. Как и раньше, в каждом бурятском доме стараются справиться к Сагаалгану добротную нарядную одежду и навести в доме порядок. Особое внимание при этом уделяется семейной божнице, которая должна быть во время праздника в идеальном состоянии. Накануне Нового года любая хозяйка озабочена также тем, чтобы собрать к самому важному празднику года богатый праздничный стол, среди многочисленных блюд которого самое почетное место занимают разнообразные молочные продукты, так называемая «белая пища». Накануне самого Сагаалгана зажигают лампадку зула, а возле входа в дом воскурят благовония из можжевельника, что

³ Можно упомянуть в этой связи исследования социокультурных ценностей, проведенного В. А. Хабудаевой, результаты которого достаточно красноречиво подтверждают тезис о всенародном характере современного Сагаалгана, см.: [Хабудаева 2014].

⁴ Подробнее о судьбе шэнэхэнских бурят пишет Д. Ц. Бороноева, см.: [Бороноева 2000].

призвано обеспечить сакрализацию всего жилого пространства [Батомункина 2009, 255]. В первый день нового года в домах бурят уже незадолго до наступления рассвета зажигается свет, а при наличии печного отопления еще и растапливается печь. Все это делается для того, чтобы к тому времени, когда небесная дева, богиня времени Балдан Лхамо, будет пролетать над землей, осматривая подлунный мир, люди, проживающие в этом доме, не были приняты ею по ошибке за усопших. В первый день белого месяца, который знаменует собой наступление нового года и дает старт новому жизненному циклу, буряты по традиции поздравляют старших в семье и в роду, преподнося им белую пищу, небольшие подарки или деньги, а также обязательный в этом случае *хадак*, ритуальный длинный шарф. В ответ старший в семье или в роду произносит благопожелания⁵. Дети при этом получают подарки от взрослых. После этого еще в течение двух недель, а иногда и целого месяца буряты посещают близких и дальних родственников, обмениваясь благопожеланиями и новогодними подарками⁶. Таким образом, из года в год заново подтверждается важность и незабываемость семейных и родственных связей.

Вместе с тем столетия буддийского влияния не прошли даром, и уже довольно давно празднование Сагаалгана носит у бурят отчетливо религиозный характер. За несколько недель до наступления белого месяца в дацаны устремляется поток верующих и просто любопытных, стремящихся в эти дни посетить астролога *зурхайшана*. В его задачи входят не только составление для них гороскопа на следующий год, но и советы по поводу того, какие ритуалы следует провести в том или ином доме в преддверии праздника. Не менее важны и рекомендации зурхайшана по вопросам о том, с какой стороны следует войти в дом в первый день нового года и как именно на второй день нового года следует повесить свои флажки *хий морин*⁷. В некоторых районах уже в наши дни появилась традиция

проводить своеобразный новогодний субботник, на который приглашаются все те, чей год по восточному календарю наступает в дни предстоящего Сагаалгана. Прихожане в этом случае собираются на территории дацана и выполняют работы по его благоустройству, причем среди участников субботника можно встретить и руководителя администрации, и простого чабана. Все они в этот день работают на равных, ибо перед лицом праздника социальные различия стираются [ПМА].

За два дня до встречи Сагаалгана в дацане совершается древний обряд очищения, который называется дугжууба. В день же, непосредственно предшествующий наступлению нового года, в дацане проходит большой молебен *хурал*, посвященный богине времени Балдан Лхамо, который начинается ближе к полуночи и продолжается до самого рассвета. Хурал проходит при стечении огромного количества верующих. В это время в дацане можно встретить и пожилых и молодых, и мужчин и женщин. Немало людей приходит на праздник в специально сшитой по этому поводу национальной одежде, многие приносят дары божествам буддийского пантеона. Настроение во время большого хурала, как правило, приподнятое, атмосфера праздничная, люди с искренней радостью поздравляют знакомых и незнакомых с наступающим праздником. Чувствуется, что в наши дни именно религиозная составляющая праздника позволяет людям осознать свое национальное единство, проникнуться этнической солидарностью. В этой связи стоит отметить, что русских на большом праздничном молебне, как правило, совсем не много, и это несмотря на то, что в канун праздника их поток к зурхайшану не иссякает, да и в целом отношение с их стороны к встрече Сагаалгана следует признать положительным. Большинство из проживающих, к примеру, в Агинском округе русских не только уважают новогодние традиции бурятского населения, но и проявляют завидную осведомленность

⁵ Обычно благопожелания относятся к сфере семейной жизни и включают в себя пожелания здоровья и благополучия, в том числе приумножения скота; в благопожеланиях также уделяется достаточно много внимания необходимости почитания старших, уважения к другим людям, содержатся в них и наказания по воспитанию детей [Ренчинова, Балханов 2007, 96].

⁶ Обычно это молочные продукты, сахар, печенья, иногда деньги; обязательным также является *хадак* [Ренчинова, Балханов 2007, 96].

⁷ У бурят — «конь удачи». Флажки символизируют жизненную энергию человека.

в том, что касается обрядов, связанных с Сагаалганом [ПМА]. Из этого можно сделать вывод, что буддизм в Бурятии, как и столетия назад, продолжает выступать этнодифференцирующим фактором, при этом особенно ярко проявляя эту свою роль именно во время празднования Нового года по лунному календарю.

В то время как традиционные семейные обряды призваны лишний раз продемонстрировать родовую сплоченность, а буддизм предоставляет бурятам платформу для укрепления их этнической солидарности, государство в лице руководителей соответствующих регионов, а также министерств культуры и образования прилагает значительные усилия, направленные на использование потенциала праздника ежегодного обновления в интересах формирования гражданской нации. Надо сказать, что за те два с лишним десятилетия, что прошли с момента признания Сагаалгана государственным праздником в некоторых регионах России, им удалось достигнуть на этом поприще определенных результатов. Руководители регионов зачастую приурочивают свои рабочие визиты к празднованию традиционного Нового года, используя его как повод для того, чтобы лишний раз обратиться к проблемам национальных территорий. В канун праздников в дацанах иногда организуются званые обеды, на которых общаются представители духовенства и представители администрации. Подобное внимание со стороны первых лиц и других высокопоставленных представителей администрации, в том числе и являющихся представителями другой национальности, одобряется и высоко оценивается бурятским населением соответствующих регионов. В этом случае буряты наделяют представителей властей статусом высших старейшин, представляющих государство как совокупность всех народов, населяющих Россию. Это, в свою очередь, расширяет границы их собственной идентичности от размеров рода до размеров

целой страны, превращая, в конце концов, самих бурят в россиян.

Однако наибольший вклад в придание Сагаалгану общегражданского характера, безусловно, вносят организации культуры и средства массовой информации. В результате их неустанной деятельности семейно-родовой праздник с ярко выраженной религиозной окраской постепенно превращается в светский фестиваль единения граждан страны. Работа в этом направлении проводится на всех возможных уровнях: в больших количествах выпускается методическая литература по организации праздников⁸, в библиотеках и музеях организуются тематические экспозиции, посвященные различным нюансам его проведения, во дворцах культуры и театрах к этому дню готовится специальная праздничная программа. В республиканских, окружных и местных СМИ публикуется программа предстоящего праздника, а по окончании мероприятий там же широко освещается само их проведение⁹. На предприятиях тем временем проводятся разнообразные конкурсы, призванные выявить и делегировать на общеокружные или общереспубликанские смотры, к примеру, лучших сказителей или лучших спортсменов. Непосредственно в дни праздника неутомимые работники культуры организуют такие нетипичные для традиционного народного праздника мероприятия, как дефиле в национальной одежде, проводят выступления коллективов художественной самодеятельности, турниры по национальным видам спорта, конкурсы сказителей, батыров или, к примеру, красавиц [Батомункина 2009, 255]. Многочисленные предпраздничные мероприятия проводятся в это время также в школах и детских садах.

Надо признать, что все эти новые формы празднования Сагаалгана несут на себе яркий отпечаток так называемой «социалистической обрядности» и лишь отдаленно соотносятся с исконными

⁸ Первый такой сборник на русском и бурятском языках был выпущен в Улан-Удэ уже в 1991 г. В дальнейшем количество дидактических материалов постоянно росло. См., к примеру: Сагаалган: методические материалы в помощь проведению праздника Белого месяца. Вып. 1 / Сост. Р.Г. Батомункуева. Улан-Удэ, 2002; Сагаалган: Дайджест / ГЮБ РБ им. Д. Батожабая / Сост. М. А. Ильина. Улан-Удэ, 2006.

⁹ См., к примеру, публикации в «Агинской правде»: Сагаалган встретили весельем и радостью // Агинская правда. 2014. 4 февраля; Сагаалган — живой родник традиций // Агинская правда. 2016. 6 февраля.

традициями бурятского народа. Впечатление от их подчеркнуто светского и общегражданского характера усиливается еще и оттого, что в последнее время организаторы праздника пытаются придать ему глобальный, международный характер, тем самым окончательно выведя его за рамки семейно-родовых отношений. К примеру, в наши дни особую популярность приобретает так называемый «глобальный ёхор¹⁰». При поддержке современных информационных технологий и посредством популярного народного танца работники культуры пытаются объединить на время праздника не только тех бурят и русских, кто проживает в России и чувствует неразрывную связь с бурятской культурой, но и тех, кто в данное время находится за рубежом. Подводя итог, можно сказать, что древнему празднику в наши дни удается исполнять свою истинную функцию поддержания единства всех тех, кто принимает в нем участие по зову сердца, будь то на семейно-родовом, национальном или общегражданском уровне.

Собственно, именно в этом свойстве и кроется его истинная значимость для современного российского общества, где благодаря довольно успешному наслоению различных влияний Сагаалган выполняет тройную задачу. С одной стороны, в силу своей семейно-родовой основы, он, как и раньше, служит пропаганде традиционных ценностей и укрепляет родственные связи. С другой — по причине наличия сильной буддистской составляющей он всемерно способствует развитию этнической солидарности и, таким образом, служит делу национального сплочения бурятского народа. Наконец, благодаря грамотной культурной политике местных властей Сагаалган также вносит свою лепту в формирование российской гражданской нации, обеспечивая мирное взаимодействие разных этнических групп в рамках и по лекалам, устанавливаемых и санкционируемых представителями федерального и регионального правительств. Другими словами, бурятский Новый год в том виде, в котором он существует в наши дни, одновременно

Костюмированное представление на празднике Сагаалган в поселке Агинское (Агинский Бурятский округ Забайкальского края). Фото М. С. Михалева, февраль 2017 г.

Buryats in traditional winter clothes celebrating Sagaalgan in Aginskoye, Agin-Buryat Okrug. Photo by Maxim S. Mikhalev, February 2017

способствует и пропаганде в обществе идеалов интернационализма, и укрепляет традиционные народные ценности. В этом смысле символично совместное присутствие на праздничных мероприятиях и на страницах газет представителей традиционных бурятских родов, представителей высшего буддийского духовенства и представителей Российского государства. Именно подобное триединство, как представляется, и является сутью празднования традиционного бурятского Нового года в современной России.

САГААЛГАН ВНЕ ГОСУДАРСТВА: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ УНИФИКАЦИИ

Как уже отмечалось многими исследователями, буряты, проживающие в исторической области Шэнхэнь в Китае, смогли сохранить в относительной неизменности многие из тех аспектов традиционной бурятской культуры, которые были утрачены бурятами в России в советское

¹⁰ У бурят — народный танец-хоровод.

¹¹ Обзор имеющейся литературы по данному вопросу можно найти в обобщающей статье Т. Б. Цыденовой, см.: [Цыденова 2010].

время¹¹. Однако в том, что касается празднования Сагаалгана, ситуация выглядит парадоксально противоположной. В то время как в Республике Бурятия и в Забайкальском крае в последнее время традиционный обряд встречи Нового года по лунному календарю не просто возродился, но и стал важным фактором политической повестки, в Китае его встреча подверглась значительной культурной эрозии, и Сагаалган здесь все больше напоминает китайский фестиваль весны. Выражается это, однако, не в заимствовании каких-либо традиционных обрядов из ханьской культуры. Скорее, в Шэнэхэне ощущается влияние безликой городской среды, под воздействием которой все богатство народной традиции в конечном итоге сводится к обильному праздничному столу, просмотру телевизионных передач и посещению ресторана в компании знакомых¹². Как сформулировал суть современного Сагаалгана один уважаемый шэнэхэнский бурят, «в наши дни это праздник еды и друзей» [ПМА]. Удивительно при этом, что столь очевидная десакрализация народного праздника хорошо заметна не только в среде городских бурят, проживающих, скажем, в космополитичной Маньчжурии, но и в сельской глубинке, в самом Шэнэхэне, где многие другие аспекты традиционной культуры до сих пор актуальны.

Из всего комплекса обрядов, связанных с Сагаалганом, среди бурят КНР остается неприкасаемым лишь традиция поздравления старших в роду или в семье с подношением подарков, денег и хадака, ответные благопожелания молодым с их стороны, а также повышенное внимание к чистоте и порядку в домах в дни праздника. Несмотря на то что шэнэхэнцы в большинстве своем осведомлены о традициях встречи бурятского Нового года, большая их часть этих традиций не придерживается. Лишь незначительное количество бурят, к примеру, проводят обряд очищения жилища накануне праздника, мало кто ходит в дацан к зурхайшану за консультацией, далеко

не все вывешивают во второй день нового года хий морин. Не так много прихожан посещает и традиционный большой ночной хурал в недавно отстроенном шэнэхэнском дацане, при этом большинство людей, по их уверению, не утруждают себя даже тем, чтобы проснуться в первый день нового года до рассвета, для того чтобы быть замеченным богицей времени Балдан Лхамо [ПМА]. По утверждению тех шэнэхэнцев, что хорошо знакомы с современными традициями празднования Сагаалгана в России, по сравнению с российскими бурятами буряты в Китае в течение первых двух недель после наступления нового года ходят в гости значительно реже и при этом проводят намного меньше времени у друзей и родственников [ПМА].

Сами жители Шэнэхэна при этом предполагают, что связано это с тем, что в прошлом Сагаалган был для них символом относительного изобилия, который выделялся на фоне довольно напряженных будней. В наши дни, однако, материальные блага доступны им постоянно, а потому особо праздновать день наступления нового года вроде как и ни к чему. При этом надо отметить, они с определенной ностальгией вспоминают былую праздничную суматоху и воодушевление [ПМА]. В этой ситуации выглядит естественным, что никаких мероприятий, приуроченных специально к Сагаалгану, в городах и селах Внутренней Монголии в дни праздника не проходит, и уже тем более не удостаивается бурятская община отдельного посещения или хотя бы праздничного поздравления с национальным праздником от высокопоставленных чиновников администрации округа или Эвенкийского национального хошуна. Не проявляют к бурятскому празднику никакого интереса и ханьцы. В результате говорить о какой-либо общегражданской или хотя бы религиозной составляющей Сагаалгана в Китае не приходится, ведь единственной его территорией в этом случае остается семья.

Китайские исследователи видят в подобной деградации культуры бурятского

¹² Интересно, что в то время, как в России Сагаалган традиционно ассоциируется с «белой пищей», практически все информанты в Шэнэхэне подчеркивают важность наличия на праздничном столе мясных изделий, и в особенности бууз. Этот же факт подчеркивается и в китайской этнографической литературе [Сюй Чжанцзян 2009, 145]

САГААЛГАН И ГОСУДАРСТВО: СЦЕНАРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

праздника закономерный результат взаимодействия кочевой культуры с культурой земледельческой, а также считают медленное исчезновение национальной самобытности естественным процессом [Син Ли 2010, 196]. Несмотря на то что определенная доля истины в этом утверждении присутствует, думается, что в данном конкретном случае дело обстоит несколько иначе, ведь весь остальной культурный комплекс шэнэхэнских бурят демонстрирует признаки редкой негибкости. Скорее, в ситуации с Сагаалганом мы имеем дело с эффектом воздействия государственной политики КНР, направленной на культурную унификацию страны. Действительно, во многом отсутствие должного внимания к традициям Сагаалгана связано с тем, что в Китае он всегда проводится одновременно с фестивалем весны и сроки эти, как правило, не совпадают с датой встречи Нового года по лунному календарю, принятой в Республике Монголия или в России.

Это поразительное разночтение, как правило, объясняется хитросплетениями китайского или тибетского летоисчисления, однако дело тут, скорее, в потребностях и запросах внутренней политики КНР, чем в особенностях восточной астрологии. Безотнositельно истинных мотивов вышеупомянутого разночтения у бурятского населения Шэнэхэна в этой ситуации не остается иного выбора, как присоединяться в дни празднования Нового года к окружающим их ханьцам, также отмечающим в эти дни свой фестиваль весны. Как результат они все чаще копируют модели праздничного поведения большинства и постепенно забывают собственные. Возможно, что, если бы датой Сагаалгана в России по каким-то причинам оказалось 1 января по григорианскому календарю, в Республике Бурятия и Забайкальском крае происходило бы нечто подобное. Другими словами, в данном случае мы имеем дело с довольно успешным вмешательством государства в функционирование народного календаря, осуществляемое с молчаливого согласия буддийских иерархов Китая, что в обозримой перспективе может привести к полному поглощению бурятской новогодней традиции традицией общекаитайской.

С учетом рассмотренных выше различий в практике празднования бурятского Нового года в Китае и в России мы можем сделать вывод, что воздействие государства на традиционную культуру может и в наши дни быть ощутимо и вместе с тем весьма результативно. При этом, хотя цель, которую прямо или интуитивно преследуют власти России и Китая, в обоих случаях одинакова — культурная унификация страны, позволяющая достичь сплоченности и общегражданской солидарности, — методы, применяемые для достижения этой цели, разнятся принципиально. Так, в России государство делает ставку на использование созидательного потенциала национальной культуры и при этом «вовлекает» ее в строительство общегражданского общества, предоставляя ей взамен новые формы для самовыражения. В это же самое время в Китае, как и в свое время в СССР, правительство всеми силами стремится к тому, чтобы сгладить культурное разнообразие с помощью тех или иных административных решений, настаивая на том, что процесс унификации исторически неизбежен и необратим. В результате применения подобной политики происходит быстрая архаизация, упрощение и маргинализация национальной традиции.

Ответ на вопрос, какая из этих стратегий является предпочтительнее с точки зрения сохранения народной культуры, следует считать открытым. В то время как в России традиция, «призванная» на государственную службу, крепнет, развивается и покоряет все более широкие слои населения, она в то же самое время исподволь размывается и постепенно теряет свое истинное предназначение, состоявшее в усилении семейной, родовой или на крайний случай этнической консолидации. Традиция становится доступной всем без исключения гражданам того или иного государства по мере того, как она становится официально признанной, а как итог от этого страдает ее притягательность, происходящая из самобытности. В то же время в Китае, по мере того как традиция в результате административного воздействия со стороны государства уходит в подполье, она в этом

положении оставляет себе возможности сохранить в неизменности свое первоначальное предназначение, хотя при этом, безусловно, деградирует.

Что же касается долгосрочных интересов государства, то здесь, как представляется, ответ на вопрос, какой путь является более эффективным, должен быть однозначным. Безусловно, провозглашением единой даты празднования Нового года для монголов, бурят и ханьцев власти Китая достигают определенных результатов в построении монокультурного общества. С другой стороны, этими же действиями они создают себе латентную проблему вытесненной на задворки общественного сознания культурной традиции, которая в любой момент может быть рекрутирована антисистемными силами в качестве инструмента политического

противостояния. В то же время в России, где государство во многом вынужденно, но тем не менее интуитивно верно привлекает национальные культуры на свою сторону, предоставляя им в распоряжение административные ресурсы, новые, эффективные формы и инструменты самореализации, оно тем самым достигает их долгосрочной интеграции в общее культурное тело страны. Таким мультикультурным организмом, безусловно, сложнее управлять и гарантировать его устойчивость, но в долгосрочной перспективе подобное мягкое «приручение» национальной традиции означает, что, безотносительно изменчивой политической конъюнктуры, это культурное тело будет существовать как единое целое, соединяя воедино разнообразные и разнотемпительные его части.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора. Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-буир, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР; Агинский Бурятский округ, Забайкальский край, Россия. Январь–март 2017 г.

Исследования

Аниконова 2015 — Аниконова Т. Г. Праздничный календарь в формировании ценностных установок общества // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 2 (6). С. 20–30.

Балдано 2015 — Балдано М. Н. Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы — риски и возможности // Трансграничные вызовы национальному государству / Ред. С. Панарин. СПб., 2015. С. 282–304.

Банзаров 1955 — Банзаров Д. Собрание сочинений / Отв. ред. Г. Д. Санжеев. М., 1955.

Батомункина 2009 — Батомункина Ц. Ц. Сагаалган // Энциклопедия Забайкалья: Агинский Бурятский округ / Гл. ред. Р. Ф. Гениатулин; Гл. ред. тома Б. Б. Жамсуев. Новосибирск, 2009. С. 255–256.

Бороноева 2000 — Бороноева Д. Ц. Очерки истории и культуры бурят Внутренней Монголии КНР. Улан-Удэ, 2000.

Ренчинова, Балханов 2007 — Ренчинова Ц. Е., Балханов Г. И. «Сагаалган» в духовно-нравственной культуре бурят: традиция и современность. Улан-Удэ, 2007.

Хабудаева 2014 — Хабудаева В. А. Национальные праздники в системе традиционных социокультурных ценностей бурятской молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 14 (2). С. 43–46.

Цыденова 2010 — Цыденова Т. Б. Буряты Китая в российской историографии // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 8. С. 255–260.

Шаповалов 2013 — Шаповалов С. Н. Формирование государственных праздников современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2013. № 3. С. 20–26.

Сюй Чжанцзянь 2009 — 徐占江等主编. 中国布里亚特蒙古人. Сюй Чжанцзянь и др. (ред.). Чжунго Булиятэ Мэнгуцзэнь [Монгол-буряты Китая]. Хулунбуир, 2009 (на кит. яз.).

Син Ли 2010 — 邢莉. 蒙古族过年习俗的变迁. Син Ли. Мэнгуцзу Гоньянь Сису дэ Бяньцзянь [Изменения в традициях празднования нового года у монголов] // N. W. Journal of Ethnology. 2010. №. 2 (65). С. 186–196 (на кит. яз.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михалев М. С. <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>

Кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (495) 938-03-09; e-mail: maxmikhalev@yahoo.com

SAGAALGAN CELEBRATION AMONG BURYATS OF RUSSIA AND CHINA: SOCIO-POLITICAL DIMENSION OF THE POPULAR HOLIDAY

MAXIM S. MIKHALEV

(N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences: 32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation)

Summary. In the beginning of the 1990s, the status of the traditional Buryat New Year festival Sagaalga was elevated to that of state holiday inside the Russian Federation's Republic of Buryatia, marking the beginning on a new period in its development. Soon this originally family and community affair with distinctive religious flavor has evolved into an important socio-political event, which significance amounts to areas lying far beyond its traditional sphere of influence. At the same time, among those Buryats, who live in Shenekheen district of Inner Mongolia Autonomous District in China and who have managed to preserve their traditional culture almost intact, Sagaalga's sacredness is gradually eroded being replaced by the characterless urban rituals common all over China. This tendency can be partially explained by the fact that in China, unlike in Russia or Mongolia, the Buryat traditional festival is intentionally coincided with the date of all-nation Spring Festival. As a result, the Chinese holiday eclipses that of Buryats. Holiday's destiny manifests two opposing national calendar strategies: either of integrating or of sidelining minority people's festivals. This paper elaborates on the impact of the state policies on the survival of the traditions of minority groups and on the reciprocal effect that these national traditions can have on the state integrity in return.

Key words: Sagaalga, Buryat, Shenekheen, public policy, national festival.

References

Anikonova T. G. (2015) Prazdnichnyy kalendar' v formirovaniy tsennostnykh ustanovok obshchestva [Festival calendar in forming society's value system]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. 2015. Vol. 2 (6). Pp. 20–30. In Russian.

Baldano M. N. (2015) Protseess natsional'nogo stroitel'stva v sovremennoy Buryatii: transgranichnyye vyzovy — riski i vozmozhnosti [Process on nation-building in contemporary Buryatia — transborder challenges — risks and opportunities]. In: *Transgranichnyye vyzovy natsional'nomu gosudarstvu* [Transborder challenges to the nation state]. Ed. by S. Panarin. St. Petersburg. Pp. 282–304. In Russian.

Banزارov D. (1955) Collected works. Ed. by G. D. Sanzheyev. Moscow. In Russian.

Batomunkina Ts. Ts. (2009) Sagaalga. In: *Entsiklopediya Zabaykal'ya: Aginskiy Buryatskiy okrug* [Transbaikalia Encyclopedia: Agin Buryat circuit]. Ed. by P. F. Geniatulin. Vol. ed. by B. B. Zhamsuev. Novosibirsk. Pp. 255–256. In Russian.

Boronoyeva D. Ts. (2000) Ocherki istorii i kul'tury buryat Vnutrenney Mongolii KNR [Essays on history and culture of the Buryats of PRC's Inner Mongolia]. Ulan-Ude. In Russian.

Khabudayeva V. A. (2014) Natsional'nyye prazdniki v sisteme traditsionnykh sotsiokul'turnykh tsennostey buryatskoy molodezhi

[National holidays in the system of traditional socio-cultural values of Buryat youth]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Buryat state university bulletin]. 2014. No. 14 (2). Pp. 43–46. In Russian.

Renchinova Ts. E., Balkhanov G. I. (2007) "Sagaalga" v dukhovno-nravstvennoy kul'ture buryat: traditsiya i sovremennost' [Sagaalga in spiritual and moral culture of Buryats: traditions and nowadays]. Ulan-Ude. In Russian.

Shapovalov S. N. (2013) Formirovanie gosudarstvennykh prazdnikov sovremennoy Rossii [Forming of state holidays in contemporary Russia]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogics]. 2013. No. 3. Pp. 20–26. In Russian.

Tsydenova T. B. (2010) Buryaty Kitaya v rossiyskoy istoriografii [China's Buryats in Russian historiography]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Buryat state university bulletin]. 2010. No. 8. Pp. 255–260. In Russian.

徐占江等主编 (2009) 中国布里亚特蒙古人. Xu Zhangjian et al. (ed.) Zhongguo buliyate mengguren [Buryat-Mongols of China]. Hulunbuir. In Chinese.

邢莉 (2010) 蒙古族过年习俗的变迁. Xin Li. Mengguzu guonian xisu de bianqian [The changes in practices of New Year celebrations among Mongols]. *N. W. Journal of Ethnology*. 2010. No. 2 (65). Pp. 186–196. In Chinese.

ABOUT THE AUTHOR

Mikhalev M. S. <https://orcid.org/0000-0001-5695-6915>

E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Tel.: +7 (495) 938-03-09

32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation

PhD (Law), post-doc fellow, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences
